

Сравнительно-правовой анализ института внедоговорной ответственности в двух Кореях*

Чж. Ли

Для цитирования: Ли Чж. Сравнительно-правовой анализ института внедоговорной ответственности в двух Кореях // Правоведение. 2022. Т. 66, № 3. С. 315–327.

<https://doi.org/10.21638/spbu25.2022.306>

В статье проводится сравнительно-правовой анализ деликтного права Республики Корея и Корейской Народной Демократической Республики. Рассматриваются существующие различия между правовыми институтами двух Корей с учетом влияния иностранных законодательств, среди которых особое внимание будет уделено нормам Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР). Автор статьи показывает, что исторические корни правовых норм и специфика политико-экономического строя играли решающую роль в формировании и развитии диаметрально противоположного института деликтных обязательств в обеих Кореях. Например, в Гражданском кодексе Корейской Народной Демократической Республики в отличие от Гражданского кодекса Республики Корея установлен принцип презумпции виновности, что является следствием прямого и непереносимого воздействия советского права на законодательство Северной Кореи. С учетом того, что в буржуазной дореволюционной России, как и в большинстве западных стран, а позднее и в Республике Корея, признавался принцип презумпции невиновности в деликтных обязательствах, можно констатировать, что изменение подхода к вине произошло в Советской России в силу социалистических идеологических факторов. Именно эти идеологические начала и легли в основу законодательства Корейской Народной Демократической Республики. Напротив, Гражданский кодекс Республики Корея с самого начала был создан на совсем других основах, подобных многим западным странам. Помимо генерального деликта, объектом сравнительно-правового анализа являются и нормы специальных деликтов, среди которых делается акцент на нормах об ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними, и за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Именно эти нормы лучше всего выявляют различия в правовой политике, проводимой законодателями Южной и Северной Кореи. Как и в случае генерального деликта, различие идеологических предпосылок, составляющих основу законодательства этих стран, привело к разнице подходов к проблематике специальных деликтов. Хотя в настоящее время разрыв между южно- и северокорейскими институтами деликтных обязательств не носит критического характера, он станет серьезной проблемой в среднесрочной и долгосрочной перспективах, поскольку будет отрицательно влиять на потенциальную возможность объединения Южной и Северной Кореи.

Ключевые слова: генеральный деликт, деликтные обязательства, Республика Корея, Корейская Народная Демократическая Республика, советское право, правовая идеология, принцип презумпции виновности, принцип презумпции невиновности.

Введение

В августе 1945 г. Корея освободилась от японского колониального правления. К сожалению, это отнюдь не привело к политической стабилизации на Корейском

Ли Чжеву — канд. юрид. наук, ассистент-профессор, Университет Кангнам, Республика Корея, 16979, Йоньин, Гихонг-гу, Гангнам-ро, 40; evercurly@gmail.com

* Данная статья является более глубоким анализом и расширением темы, получившей развитие в ранее опубликованной автором на корейском языке работы: Ли Чж. Исследование основных характеристик деликтного права Северной Кореи: анализ влияния русского права // Исследование права Северной Кореи. 2018. № 20. С. 125–153 [이제우, «북한 불법행위책임의 주요 특성에 관한 고찰 - 러시아법이 미친 영향을 중심으로 -», 북한법연구, 20호, 2018, 125–153면].

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

полуострове. Наоборот, ситуация была далека от спокойной. На юге к власти пришли капиталисты, следующие принципам свободного рынка, а на севере сумели взять власть коммунисты, придерживающиеся принципа централизации экономики. В результате Корея разделилась на две части, впоследствии ставшие соответственно Республикой Корея (далее — Южная Корея) и Корейской Народной Демократической Республикой (далее — Северная Корея). Политический и экономический разрыв между Южной и Северной Кореями изначально был значительным, и это сказывалось на всех сферах жизни общества, включая прежде всего правовую систему. Так, в Южной Корее получили развитие традиции стран континентально-правовой семьи, таких как Германия и Франция, а на Северную Корею сильное влияние оказала правовая система социалистических стран, в первую очередь Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее — РСФСР) и других республик Советского Союза. Данные обстоятельства на фоне постоянной политической напряженности на Корейском полуострове мешали какому-либо обмену между двумя Кореями. Долгое время правоведы обеих стран очень мало знали о правовых системах друг друга. До недавних пор в Южной Корее практически не было в какой-либо значимой степени доступа к первоисточникам северокорейской правовой системы. Даже когда часть из них становилась доступной, то, как правило, эти документы были уже устаревшими. В последнее время в силу продолжающейся холодной войны между Южной и Северной Кореями обстоятельства изменились мало, но появился, хотя и ограниченный, доступ к современной правовой литературе и текстам законодательных актов Северной Кореи. Это дает возможность проведения сравнительно-правового исследования законодательства и правовых институтов обеих стран.

Объектом анализа данной работы станет институт внедоговорной ответственности. Именно разные аспекты деликтных обязательств лучше всего отражают особенности как политического и экономического строя, так и правовой системы Южной и Северной Кореи. Сначала речь пойдет о понятии генерального деликта, после чего будут проанализированы специальные деликты. Далее будут исследованы нормы об ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними, и за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. В заключение представлен вывод проведенного сравнительного анализа деликтного права двух Кореи.

1. Генеральный деликт

Анализ хотя бы одного понятия генерального деликта в Гражданском кодексе Республики Корея (далее — ГК РК) и в Гражданском кодексе Корейской Народной Демократической Республики (далее — ГК КНДР) достаточен, чтобы показать фундаментальную разницу между институтами внедоговорной ответственности двух стран.

1.1. ГК РК

Согласно ст. 750 ГК РК, «лицо, причинившее другому лицу вред в силу умысла или неосторожности, несет обязанность возместить его такому лицу»¹. Общая норма о внедоговорной ответственности в ГК РК мало отличается от традици-

¹ Пер. авт. Английский перевод ГК РК (и других основных законодательных актов Южной Кореи) доступен на сайте Центра перевода корейского права (Korea Law Translation Center) при Исследовательском институте законодательства Кореи (Korea Legislation Research Institute) по адресу: https://elaw.klri.re.kr/kor_service/lawView.do?hseq=55222&lang=ENG (дата обращения: 01.09.2021).

онных для Запада норм, устанавливающих принцип генерального деликта. Это касается не только стран континентального права², но и правопорядков общего права³. Статья 750 ГК РК больше всего похожа на п. 1 ст. 823 Германского гражданского уложения (далее — ГГУ)⁴, что совсем не удивительно, учитывая то значительное общее влияние на ГК РК, которое оказало ГГУ⁵. Как ст. 750 ГК РК, так и п. 1 ст. 823 ГГУ определяют вину, в частности неосторожность и умысел, в качестве субъективных условий возложения на причинителя вреда внедоговорной ответственности. Но более важно то, что обе нормы основываются на принципе презумпции невиновности. Это значит, что не причинитель вреда вынужден доказывать свою невиновность, а потерпевший несет бремя доказывания вины первого⁶. Такой подход считается естественным, поскольку, по общему правилу гражданско-процессуального права, не ответчик, а истец несет бремя доказывания⁷. С учетом того, что в деликтных обязательствах потерпевший является истцом, на нем и лежит бремя разрушить *status quo*, т. е. доказать несоответствие существующего фактического состояния правовому порядку⁸. Принцип презумпции невиновности считался настолько очевидным, что, например, пандектисты в Германии решили убрать норму о бремени доказывания из ГГУ, хотя такая норма имелась в первом проекте, посчитав, что она не требует законодательного закрепления⁹. Поэтому совсем не случайно то, что в гражданском законодательстве многих правопорядков прошлого и настоящего, включая Свод законов Российской Империи, нет нормы о бремени доказывания вины причинителя вреда¹⁰.

² Принцип презумпции невиновности в институте внедоговорной ответственности можно найти в законодательстве европейских стран (подробнее см.: *Giesen I. The reversal of the burden of proof in the Principles of European tort law. A comparison with Dutch tort law and civil procedure rules // Utrecht Law Review. 2010. Vol. 6, no. 1. P. 22*).

³ В частности, такие базовые для традиции общего права правопорядки, как английское общее право и американское общее право, следуют принципу презумпции невиновности причинителя вреда (подробнее об американском общем праве см.: *Wilkinson III J. H. The presumption of civil innocence // Virginia Law Review. 2018. Vol. 104, no. 4. P. 611–620*).

⁴ ГГУ § 823 (Обязанность возместить вред) (1) «Лицо, которое умышленно или по неосторожности противоправно причинит вред жизни или здоровью, посягнет на свободу, собственность или иное право другого лица, обязано возместить потерпевшему причиненный вред» (русский перевод законоположений ГГУ приводится по изданию: *Гражданское уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению / пер. с нем., под науч. ред. А. Л. Маковского. М.: Волтерс Клувер, 2004*).

⁵ ГК РК был принят в феврале 1958 г. и вступил в силу с января 1960 г. (подробнее об истории составления ГК РК см.: *Kim S. Y. Amendment works of the Korean civil code (Property Law) // Rechtspolitisches Forum, 3. Trier: Institut für Rechtspolitik an der Universität Trier, 2001. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoa-261023> (дата обращения: 01.09.2021); *Moon J. Y. The Making of the Constitution and the Civil Code in Postliberation Korea. The Spirit of Korean Law: Korean Legal History in Context / ed. by M. Kim. Leiden; Boston, 2016. P. 175–201*).*

⁶ О материально-правовом аспекте презумпции см.: *Губаева А. К. Некоторые современные тенденции развития института деликтной ответственности (сравнительно-правовой аспект) // Вестник СПбГУ. Право. 2012. № 4. С. 22*.

⁷ Такой позиции придерживались римские правоведы. Согласно Дигестам Юстиниана (Книга двадцать вторая. Титул III. О доказательствах и презумпциях), «*Ei incumbit probatio qui dicit, non qui negat*» («Доказывать возлагается на того, кто утверждает, а не на того, кто отрицает») (цит. по пер.: *Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты. М., 1984. С. 361*).

⁸ *Ли Чж. Принцип вины в деликтных обязательствах в традиции континентальной правовой семьи (сравнительно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2013. С. 84*.

⁹ *Karner E. The Function of the Burden of Proof in tort law // Koziol H., Steiner B. C. (eds). European Tort Law, 2008. Vienna; New York, 2009. P. 70*.

¹⁰ В книге второй тома X части 1 Свода законов Российской Империи были лишь нормы о виновном начале гражданско-правовой ответственности (ст. 647: «Не подлежат вознаграждению вред и убытки, происшедшие от деяния случайного, учиненного не только без намерения, но и без вся-

Итак, наличие обязательства по возмещению вреда не признается, если потерпевшему не удастся доказать вину, что на практике составляет самую сложную задачу для потерпевших. Можно даже сказать, что результат деликтного иска главным образом зависит от удовлетворения условия доказывания вины. В отличие от договорной ответственности, где, наоборот, действует презумпция виновности, в деликтных обязательствах, как правило, вина не презюмируется. Лишь в исключительных случаях вина может презюмироваться. Это происходит тогда, когда законом признается необходимость переноса бремени доказывания вины от потерпевшего к причинителю вреда для предоставления большей защиты первому. Нет сомнения, что освобождение от бремени доказывания вины значительно увеличивает вероятность выигрыша дела для потерпевших. Примером такого переноса является ст. 755 ГК РК, регулирующая ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними, которая будет детально рассматриваться далее.

1.2. ГК КНДР

Согласно ст. 241 ГК КНДР, «если иное не предусмотрено законом, виновное лицо несет гражданскую ответственность. Лицо, нарушившее договор или закон и не доказавшее отсутствие вины, признается виновным»¹¹. Сразу бросается в глаза тот факт, что подход ГК КНДР к вине причинителя вреда диаметрально противоположен подходу к тому же вопросу ГК РК. В ГК КНДР установлен принцип презумпции виновности как основы внедоговорной ответственности¹². Такой подход является результатом прямого и однозначного воздействия советского права на законодательство Северной Кореи.

Краткий обзор истории создания ГК КНДР четко выявляет влияние на него гражданского законодательства РСФСР. ГК КНДР был принят Верховным Народным Собранием¹³ в сентябре 1990 г. Хотя с конца 1980-х годов в силу бурно меняющихся обстоятельств в международной политике китайское право начало оказывать значительное влияние на законодательство Северной Кореи, текст ГК КНДР был преимущественно написан под сильным влиянием ГК РСФСР 1964 г. Ведь ГК КНДР — это результат долголетних законодательных усилий. Первый проект северокорейского Гражданского кодекса был подготовлен уже в 1950 г.,

кой со стороны учинившего оное неосторожности»; ст. 684 «Всякий обязан вознаградить за вред и убытки, причиненные кому-либо его деянием или упущением, хотя бы сие деяние или упущение не составляли ни преступления, ни проступка, если только будет доказано, что он не был принужден к тому требованиями закона или Правительства, или необходимою личною обороною, или же стечением таких обстоятельств, которых он не мог предотвратить»). См.: Кодификация российского гражданского права: Свод законов гражданских Российской Империи, Проект уложения Российской Империи, Гражданский кодекс РСФСР 1922 г., Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. Екатеринбург: Изд-во Ин-та частного права. 2003. С. 146.

¹¹ Текст в оригинале: 제241조(허물에 대한 민사책임) 민사책임은 법이 달리 정하지 않는 한 허물이 있는 자가 진다. 계약 또는 법을 어긴 자가 자기에게 허물이 없다는 것을 증명하지 못하면 허물은 그에게 있는 것으로 본다.

¹² Кроме ГК КНДР в Северной Корее существует еще один законодательный акт, который регулирует деликтные обязательства, — это «Закон КНДР о возмещении вреда». Данный Закон носит характер специального права по отношению к Гражданскому кодексу, имеющему характер общего права. Он тоже определяет вину как основу ответственности, хотя примечательно, что в этой норме не установлен принцип презумпции виновности: ст. 2 (принцип возмещения вреда виновным лицом) государство обязывает виновное лицо возместить вред, возникший в результате его причинения имуществу или личности органа, предприятия, организации или гражданина.

¹³ Верховное Народное Собрание (최고인민회의) — это высший законодательный орган Северной Кореи. Оно так же является высшим органом государственной власти.

после чего работа над разными законопроектами продолжалась в течение четырех десятилетий¹⁴. Второй проект был завершен в 1958 г., и он отражал отдельные части законопроектов ГК РСФСР 1964 г. и важные доктрины, разработанные советскими правоведами к этому времени¹⁵. Несмотря на то что в конечном счете ГК КНДР обнаруживает структурные отличия от ГК РСФСР 1964 г., по своему содержанию нормы первого имели много общего с нормами последнего¹⁶. Среди них самое важное сходство можно найти в подходе к вине причинителя вреда в деликтных обязательствах. Важно отметить, что такое явление вовсе не случайно.

Принцип презумпции виновности установлен как в ГК РСФСР 1964 г.¹⁷, так и в действующем Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ)¹⁸. Учитывая то, что, как уже было сказано выше, подавляющее большинство стран, включая дореволюционную Россию, признает противоположный подход, т. е. принцип презумпции невиновности в деликтных обязательствах¹⁹, решение советских законодателей является весьма уникальным. Чтобы понять причину такого «уклонения» от общемировых тенденций в подходе к условию вины в институте внедоговорной ответственности, нужно обратиться к словам советского правоведа Х. И. Шварца. Согласно его объяснению, наличие в буржуазном праве принципа возложения бремени доказывания на истца — это «одно из многих выражений фальшивого, ограниченного, урезанного характера демократизма правовой надстройки буржуазии... Если же истец человек небогатый, трудящийся, то такое распределение обязанностей доказывания ставит его в весьма затруднительное, часто безвыходное положение, ибо известно, что в подавляющем большинстве

¹⁴ В Северной Корее работа над Гражданским кодексом (как и над другими кодексами) шла очень долго по одной важной причине. В условиях постоянных изменений экономической и политической ситуации в Северной Корее считалось, что кодификация, и тем самым закрепление правовых норм, неизбежно приведет к противоречию законодательства экономическому строю и социальной политике страны (최달근, «북한민법의 변화와 그 내용상 특색», 『북한』 제185호, 북한연구소, 1987. 28면 [Чой Д. Изменения в гражданском праве Северной Кореи и их характеристики // Северная Корея. 1987. № 185. С. 28].

¹⁵ 최달근, «북한민법의 체계와 특색», 『북한법 체계와 특색』, 세종연구소, 1994, 265면 [Чой Д. Структура и особенности гражданского права Северной Кореи // Структура и особенности права Северной Кореи. Изд-во Института Седжонг, 1994. С. 265].

¹⁶ Там же. С. 266. — Для детального описания истории создания ГК КНДР см.: 『북한민법 주석』, 법무부, 2014, 12–23면 [Комментарии к гражданскому праву Северной Кореи // Министерство юстиции Республики Корея. Изд-во Министерства юстиции Республики Корея, 2014. С. 12–23].

¹⁷ ГК РСФСР 1964 г., ст. 444: «Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный организации, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Причинитель вреда освобождается от его возмещения, если докажет, что вред причинен не по его вине».

Что касается ГК РСФСР 1922 г., то его отношение к презумпции вины неоднозначно. Согласно ст. 403 ГК РСФСР 1922 г., «причинивший вред личности или имуществу другого обязан возместить причиненный вред. Он освобождается от этой обязанности, если докажет, что он не мог предотвратить вреда, либо что был оправдомочен на причинение вреда, либо что вред возник вследствие умысла или грубой неосторожности самого потерпевшего» (подробнее см.: Ли Чж. Принцип вины в деликтных обязательствах в традиции континентальной правовой семьи (сравнительно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2013. С. 49–53).

¹⁸ ГК РФ ст. 1064 «Общие основания ответственности за причинение вреда»: «Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред [...] 2. Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. Законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда».

¹⁹ Г. Ф. Шершеневич, признавая наличие презумпции невиновности в русском деликтном праве, указал на его проблематичность, отметив, что «ущерб, хотя бы в действительности причиненный виной ответчика, останется невозмещенным» (Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Тула, 2001. С. 516).

случаев доказать вину причинителя ущерба крайне трудно». Можно сказать, что в глазах советских юристов принцип презумпции виновности оказался необходимым правовым инструментом в установлении и урегулировании баланса интересов в пользу потерпевших²⁰.

Итак, в результате признания презумпции виновности в деликтных обязательствах вина причинителя вреда стала, как правило, презюмироваться. Это можно назвать революционной сменой парадигмы в деликтном праве, доселе невиданной в правовых порядках мира. А в силу абсолютного авторитета законодательства РСФСР и советской доктрины для северокорейских правоведов в ГК КНДР попало положение о генеральном деликте в том виде, как оно сформировалось в советской доктрине, в результате чего усилилась ответственность, возложенная на причинителя вреда.

2. Специальные деликты

Подобно положению о генеральном деликте, нормы специальных деликтов также четко выявляют различия в правовой политике, проводимой законодателями Южной и Северной Кореи.

2.1. Ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними

Согласно ст. 755 ГК РК, «когда лицо, причинившее другому вред, не несет ответственности в силу ст. 753²¹ <...> то лицо, обязанное иметь за ним надзор, несет обязанность возместить причиненный вред. Однако последнее не несет ответственности, если докажет, что осуществляло надзор». А по ст. 243 ГК КНДР, «когда недееспособное лицо нарушает гражданские права других, гражданскую ответственность несут родители или опекун. Если правонарушение произошло, когда недееспособное лицо находилось без надзора родителей или опекуна, тогда несет ответственность лицо, осуществляющее в это время надзор за несовершеннолетним»²².

На первый взгляд кажется, что особой разницы между этими двумя нормами нет. Действительно, у них существует важная общая характеристика. Как в первой, так и во второй норме основной подход является одинаковым. Несовершеннолетние, признающиеся не деликтоспособными лицами, не несут гражданско-правовой ответственности, поскольку, как правило, их законные представители несут ответственность за них²³. Но сходство упомянутых положений двух кодексов ограничивается только этим. Практически все остальные аспекты сильно различаются.

Во-первых, в отличие от законодательства Южной Кореи в законодательстве Северной Кореи установлено формальное разграничение различных категорий несовершеннолетних с точки зрения степени их дееспособности, в результате

²⁰ Обсуждение презумпции виновности с точки зрения философии права см.: Ли Чж. Исследование основных характеристик деликтного права Северной Кореи: анализ влияния русского права // Исследование права Северной Кореи. 2018. № 20. С. 132–133 [이제우, «북한 불법행위책임의 주요 특성에 관한 고찰 — 러시아법이 미친 영향을 중심으로 —», 북한법연구, 20호, 2018, 132–133면].

²¹ Статья 753 ГК РК: «Несовершеннолетний, причинивший вред другому, не несет ответственности в виде его возмещения, если у него нет способности понимать значение ответственности, возлагаемой на него за свои действия».

²² Текст в оригинале: 제243조(행위무능력자의 위법행위에 대한 책임) 민사행위능력이 없는 자가 남의 민사상권리를 침해하였을 경우에는 부모 또는 후견인에게 민사책임을 지운다. 부모나 후견인의 통제에서 벗어나 있는 기간에 침해행위를 하였을 경우에는 그를 통제할 의무를 진자에게 민사책임을 지운다.

²³ Однако в обоих кодексах в исключительных случаях на родителей или опекунов может возлагаться ответственность. Подробнее об этом см. ниже.

чего они, помимо прочего, подразделяются на абсолютно неделиктоспособных и частично деликтоспособных. В силу этого по сравнению с ГК РК, в котором существует лишь одна норма об ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними, в ГК КНДР установлено больше таких норм. Кроме указанной ст. 243, ст. 244 ГК КНДР так же регулирует вопросы, касающиеся ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними. Согласно ст. 244 ГК КНДР, «когда частично дееспособное лицо, достигшее 16 лет, причиняет вред в результате нарушения гражданских прав, его родители или опекун несут гражданско-правовую ответственность за вред, который выходит за пределы его платежеспособности»²⁴. Критерий для разграничения между недееспособными и частично дееспособными несовершеннолетними — возраст. В Северной Корее лица, не достигшие 16 лет, освобождаются от гражданско-правовой ответственности. А те, которым больше 16 лет, но меньше 18 лет²⁵, как правило, самостоятельно несут такую ответственность. Это значит, что родители или опекун несут субсидиарную ответственность, когда несовершеннолетний еще не полностью обладает дееспособностью.

В ГК РК, наоборот, различие категорий несовершеннолетних в зависимости от степени их дееспособности законодательно не закрепляется. Конечно, это не значит, что до наступления совершеннолетия южнокорейские несовершеннолетние всегда освобождаются от гражданско-правовой ответственности²⁶. Просто критерий для разграничения между неделиктоспособными и деликтоспособными несовершеннолетними законодательно не зафиксирован. Наличие деликтоспособности определяется судом *ad hoc* на основании многих факторов, таких как возраст, образование, его обычное поведение, среда воспитания и т. п.²⁷ В южнокорейской судебной практике деликтоспособность у несовершеннолетних обычно признается в возрасте между 13 и 15 годами²⁸. Здесь важно отметить, что с точки зрения сравнительного права подход, воспринятый ГК РК, не уникален. Япония, Италия, Испания, Бельгия, Венгрия и многие другие страны придерживаются такой же законодательной позиции²⁹.

Во-вторых, другое отличие между законодательствами Южной и Северной Корей — это правовое значение платежеспособности несовершеннолетних. В ГК КНДР платежеспособность становится критическим условием для возникно-

²⁴ Так же см.: ст. 14 Закона КНДР о возмещении вреда: «Частично-дееспособное лицо, причинившее вред имуществу или личности (другого), несет ответственность посредством возмещения вреда. Однако за вред, выходящий за пределы платежеспособности, несут ответственность его родители или опекун».

²⁵ См.: ГК КНДР ст. 20 «Совершеннолетие гражданина наступает в 17 лет».

²⁶ См.: ГК РК ст. 4 «Лицо становится совершеннолетним в 19 лет». Раньше совершеннолетие наступало в 20 лет, но в 2004 г. в ГК РК было внесено изменение, в результате чего этот возраст снизился на один год. Полтора десятилетия спустя снова дебатруется возможность признания совершеннолетия в 18 лет, хотя вероятность внесения такого изменения в ГК РК на данный момент невысока.

²⁷ Решение 78Да1805 Верховного суда РК, принятое 28 ноября 1978 г.

²⁸ Поскольку возраст не является абсолютным критерием, он отличается от случая к случаю. Например, в одном судебном деле была признана деликтоспособность у несовершеннолетнего в возрасте 13 лет и 3 месяцев (Решение Верховного суда РК 68Да2406 от 8 июля 1969 г.), хотя в другом деле Суд отказал в признании деликтоспособности несовершеннолетнего в возрасте 14 лет и 2 месяцев (Решение Верховного суда РК 78Да1805 от 28 ноября 1978 г.). Подробнее об этом см.: Ли Е. Ответственность лиц, имеющих родительские права за вред, причиненный несовершеннолетним: категоризация деликтов для справедливого распределения ответственности // Журнал «Уэбоннджип» 41(2). 2017. С. 237–239 [이은영, 책임능력 있는 미성년자의 불법행위에 대한 친권자 책임 — 공평한 책임분담을 위한 불법행위의 유형화를 중심으로 -, 외법논집 제41권 제2호, 2017, 237–239면].

²⁹ Ли Чж. Характер ответственности лица, осуществляющего надзор и платежеспособность несовершеннолетних // Журнал «Юриспруденция Кенхи». 2014. 49 (3). С. 20 [이제우, 감독자책임의 성질과 미성년자의 책임능력 및 변제자력, 경희법학 제49권 제3호, 2014, 20면].

вения гражданско-правовой ответственности у несовершеннолетних, достигших 16 лет. Если у таких несовершеннолетних имеется доход, значит, они сами несут ответственность за причиненный вред. Только когда у несовершеннолетнего нет дохода или его не хватает на покрытие причиненного вреда, родители или опекуны обязуются возмещать некомпенсированную несовершеннолетним часть убытков потерпевшего в том объеме, в котором собственный доход причинителя вреда недостаточен для полного возмещения.

Совсем иначе этот вопрос рассматривается законодательством Южной Кореи. Платежеспособность несовершеннолетних не имеет никакого правового значения. Независимо от наличия деликтоспособности у несовершеннолетних, их доход не влияет на возникновение их ответственности. Поэтому вполне возможна ситуация, когда потерпевший остается без всякого возмещения вреда, даже если у самого несовершеннолетнего есть достаточный для его компенсации доход. Так, когда несовершеннолетний признается не деликтоспособным, то ответственность возлагается только на родителей или опекуна, причем в этом случае для того, чтобы уклониться от ответственности, этим законным представителям необходимо доказать отсутствие с их стороны неосторожности или умысла, т. е. вины, доказав, что они осуществляли надлежащий надзор, хотя это и не предотвратило причинение вреда несовершеннолетним третьему лицу. А когда, напротив, несовершеннолетний признается деликтоспособным, то, как правило, за причиненный вред отвечает лишь он один. Учитывая тот факт, что несовершеннолетние крайне редко имеют достаточный для возмещения причиненного вреда доход, в общем такие обстоятельства создают невыгодное положение для потерпевших.

Правда, были попытки внести изменения в ГК РК, которые придали бы правовое значение платежеспособности несовершеннолетних. Согласно законопроекту, подготовленному в 2004 г. Министерством юстиции РК, предлагалось включить новый пункт в ст. 755. В этом законопроекте п. 2 ст. 755 гласил следующее: «Лицо, имеющее обязанность осуществлять надзор над несовершеннолетним, несет ответственность, установленную в пункте 1, даже когда он является деликтоспособным, за исключением случаев, когда у несовершеннолетнего есть доход». Хотя велись долгие дебаты по этим вопросам, но данный законопроект не был реализован³⁰. Противники такого изменения в ст. 755 ГК РК отрицали необходимость признания платежеспособности несовершеннолетних в качестве условия возникновения их ответственности. Суть главного аргумента против внесения изменения в ГК РК³¹ заключалась в том, что по своему правовому характеру ответственность законных представителей несовершеннолетних есть виновная ответственность. Если же признать правовое значение дохода несовершеннолетних, то в зависимости от его наличия законные представители могут быть освобождены от гражданско-правовой ответственности, даже когда у них была вина в неосуществлении надлежащего надзора за своими подопечными³².

³⁰ Вообще, в ГК РК редко вносятся изменения. Те изменения в Кодексе, которые имели место, в основном касались семейного права, а не вопросов имущественного характера.

³¹ Министерство юстиции Республики Корея. Законопроект Министерства юстиции к Гражданскому кодексу 2004 г. Обязательственное право. Приложение. 2012. С. 560–564 [법무부 민법개정 자료발간팀, 2004년 법무부 민법개정안, 채권편·부록, 민속원, 2012, 560–564면].

³² Несмотря на то что такой аргумент не лишен оснований, все же вряд ли можно назвать его бесспорным и тем более желательным. Ведь чисто теоретически, даже если потерпевший не может требовать возмещения у законных представителей несовершеннолетних на основании измененной ст. 755, все же существует возможность признания их ответственности на общих основаниях, т. е. на основе ст. 750, содержащей положения о генеральном деликте (подробнее об этом см.: *Ли Чж.* Характер ответственности лица, осуществляющего надзор и платежеспособность несовершенно-

Итак, ст. 755 ГК РК остается неизменной с момента составления. Здесь требуется уточнить, в чем же причина контраста между нормами ГК РК и ГК КНДР об ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними. Подобно судьбе генерального деликта в обоих кодексах, и в рассматриваемом вопросе идеологическое начало играет важную роль, правда, не столь очевидную. Законодательное закрепление критерия для различения несовершеннолетних в зависимости от их возраста само по себе не носит идеологического характера. Ведь существует немало стран континентально-правовой семьи, например Австрия, Нидерланды и др., в гражданских кодексах которых четко установлен определенный возраст в качестве критерия для признания деликтоспособности несовершеннолетних³³. Россия тоже входит в эту группу стран, но ее следование в фарватере такого подхода³⁴ является традиционным с советских времен. В дореволюционном законодательстве³⁵, как и в ГК РСФСР 1922 г.³⁶, отсутствовало законодательное разграничение несовершеннолетних в зависимости от их деликтоспособности. Однако начиная с ГК РСФСР 1964 г.³⁷, советское право стало признавать деликтоспособность несовершеннолетних в определенном возрасте. Это в свою очередь повлияло на решение северокорейских законодателей следовать примеру советских коллег и признавать деликтоспособность несовершеннолетних в определенной возрастной категории.

2.2. Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих

Еще один состав деликта, который ярко выявляет контраст между правовыми нормами Южной и Северной Кореи в сфере внедоговорной ответственности, связан с источником повышенной опасности. Согласно ст. 5 Закона КНДР о возмещении вреда, «если вред был причинен диким животным, взрывчатым, легковоспламеняющимся или радиоактивным веществом, которое требует повышенного внимания, лицо, имеющее обязанность владеть и управлять им, несет ответственность без вины. Однако на такое лицо не возлагается ответственность, если вред был причинен с умыслом или грубой неосторожностью потерпевшего». Данная норма является общей нормой, регулирующей деликтные обязательства,

летних // Журнал «Юриспруденция Кенхи». 2014. 49 (3). С. 27–29 [이제우, 감독자책임의 성질과 미성년자의 책임능력 및 변제자력, 경희법학 제49권 제3호, 2014, 27–29면].

³³ Там же. С. 19–20.

³⁴ См.: ГК РФ ст. 1073 «Ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте до четырнадцати лет»; ст. 1074 «Ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет».

³⁵ Свод законов Российской Империи ст. 686 кн. 2, т. X, ч. 1: «Когда малолетние, жительствующие у родителей своих, причинят кому-либо вред и убытки, и, по окончательному судебному приговору, будет признано, что родители, имея все средства предупредить означенное деяние малолетнего, не приняли надлежащих к тому мер и допустили совершение оно по явной с их стороны небрежности, то вознаграждение за вред и убытки платят из своего имущества родители малолетнего: отец или мать, или оба вместе по усмотрению суда, хотя бы за малолетним и числилось собственное имение. В противном же случае, т. е. когда родители докажут, что не имели никаких средств к предупреждению преступления или проступка малолетнего, убытки взыскиваются с имением всего последнего. [...]».

³⁶ ГК РСФСР 1922 г. ст. 405: «Лицо недееспособное, за исключением случаев, предусмотренных ст. 9, не отвечает за причиненный им вред. За него отвечает лицо, обязанное иметь за ним надзор».

³⁷ См.: ГК РСФСР 1964 г. ст. 450 «Ответственность за вред, причиненный несовершеннолетним, не достигшим пятнадцати лет»; ГК РСФСР 1964 г. ст. 451 «Ответственность за вред, причиненный несовершеннолетним в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет».

где вред был причинен источником повышенной опасности. Такая общая норма встречается далеко не в каждом правопорядке, особенно среди западных стран, что совсем не случайно, поскольку установлению понятия «источник повышенной опасности» и его законодательному закреплению способствовали советские законодатели. Отсутствовавшая в Своде законов Российской Империи общая норма о безвиновной ответственности впервые появилась в ГК РСФСР 1922 г.³⁸, после чего она получила дальнейшее развитие в ГК РСФСР 1964 г.³⁹ и потом в ГК РФ⁴⁰. Поэтому ст. 5 Закона КНДР о возмещении вреда есть не что иное, как правовое заимствование из советского права.

Не случайно в законодательстве Южной Кореи нет аналога такой общей нормы, определяющей последствия вредоносной деятельности, связанной с источником повышенной опасности. В ГК РК даже отсутствует специальная норма о безвиновной ответственности, которая могла бы учесть специфику вреда, причиняемого источником повышенной опасности. Дело в том, что эта функция делегирована специальным законом, находящимся вне пределов Гражданского кодекса. С момента своего составления ГК РК стоит твердо на принципе виновной ответственности, и за все годы его существования практически всем усилиям и попыткам отступить от этого принципа не удалось реализоваться⁴¹. Отсутствие такой общей нормы в основных правопорядках⁴², которые оказывали значительное влияние на формирование и развитие южнокорейского гражданского права, также способствовало негативному отношению к возможности внесения в ГК РК и другие законы изменений, связанных с общим регулированием последствий причинения вреда источником повышенной опасности.

Заключение

Сравнительно-правовой анализ законодательств Южной и Северной Корей выявляет фундаментальный разрыв между их гражданскими кодексами и другими законами. Причина такого разрыва достаточно проста. Учитывая военную и политическую напряженность на Корейском полуострове, существующую на всем протяжении его современной истории, начиная с первых дней существо-

³⁸ См.: ГК РСФСР 1922 г., ст. 404: «Лица и предприятия, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, как-то: железные дороги, трамвай, фабрично-заводские предприятия, торговцы горючими материалами, держатели диких животных, лица, возводящая строения и иные сооружения, и т. п. — отвечают за вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы либо умысла или грубой небрежности самого потерпевшего».

³⁹ См.: ГК РСФСР 1964 г. ст. 454: «Организации и граждане деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (транспортные организации, промышленные предприятия, стройки, владельцы автомобилей и т. п.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего».

⁴⁰ См.: ГК РФ 1996 г. ст. 1079 п. 1: «Юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т. п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего».

⁴¹ Подробнее об этом см.: Ли Чж. Принцип вины в деликтных обязательствах в традиции континентальной правовой семьи (сравнительно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2013. С. 140–141.

⁴² Подробнее об этом см.: Lee J. Two Defining Features of Russian Tort Law: Their Rationale and Legal Effect // Review of Central and East European Law. 2014. No. 39. P. 130.

вания двух Корей, было бы странно, если бы, наоборот, не было столь ярко выраженного отличия между двумя правовыми системами. Южная Корея, построив свое общество на принципах свободного рынка, испытала преимущественное влияние политически близких ей западных стран. В процессе составления ГК РК и последующего его развития самыми авторитетными правовыми моделями стали гражданские кодексы Германии, Франции и Японии. А Северная Корея, общество которой до сегодняшнего дня основано на принципе плановой экономики, не могла не следовать примеру РСФСР. Поскольку западные страны и РСФСР имели мало общих черт, в частности и особенно в сфере деликтного права, совершенно естественно, что законодательства Южной и Северной Кореи так сильно отличаются.

Более важный и трудный вопрос касается того, что влечет за собой такая разница. В настоящее время разрыв между южно- и северокорейскими институтами деликтных обязательств не носит критического характера. В силу практического отсутствия или минимального обмена на Корейском полуострове между двумя государствами в экономической и социально-культурной сферах сравнительно редко возникают реальные проблемы, такие как, например, необходимость решить вопрос коллизии правовых норм. Различия в правовой системе становятся серьезной проблемой в среднесрочной и долгосрочной перспективах, поскольку это будет отрицательно влиять на потенциальную возможность объединения двух стран. Гармонизация правовых систем и устранение конфликта между нормами всегда составляют сложную задачу, тем более когда эти процессы происходят между двумя странами, преследующими противоположные политико-экономические цели и исповедующими разные идеологические ценности. Если правовая интеграция в сфере специальных деликтов менее проблематична, то найти компромисс между различными восприятиями генерального деликта в юриспруденции двух Корей будет гораздо труднее. Тут вопрос не столько сближения правовых позиций сторон, сколько полного изменения идеологического начала и фундаментального переосмысления правового института гражданско-правовой ответственности. Поскольку невозможно заранее знать условия и предпосылки объединения Корейского полуострова (если, конечно, оно произойдет), то обсудить всевозможные сценарии и предложить конкретные способы гармонизации правовых систем крайне сложно. Именно поэтому нужно готовиться к такой возможности и проводить сравнительно-правовые исследования, чтобы любые непредвиденные обстоятельства не застали корейских юристов врасплох. Изучение российского и советского законодательства и лежащих в его основе доктрин имеет для этого особое важное значение. Оно дает южнокорейским правововедам возможность лучше понять сущность и логическое обоснование правовых норм северного соседа и тот «дух законов», в котором они были созданы в Северной Корее. А такое понимание, в свою очередь, очень поможет в подготовке гармонизации законодательства обеих стран, которая при любых обстоятельствах должна предшествовать его возможной унификации. Надеемся, что в дальнейшем появится больше ученых, которые будут заниматься вопросами, рассмотренными в нашем исследовании.

Статья поступила в редакцию 20 мая 2022 г.
Рекомендована к печати 5 августа 2022 г.

A comparative legal analysis of the institutions of non-contractual liability in the two Koreas

Jewoo Lee

For citation: Lee, Jewoo. 2022. A comparative legal analysis of the institutions of non-contractual liability in the two Koreas. *Pravovedenie* 66 (3): 315–327. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2022.306> (In Russian)

The article provides a comparative legal analysis of the tort law of the Republic of Korea and the Democratic People's Republic of Korea. The existing difference between the legal institutions of the two Koreas is considered, taking into account the influence of foreign legislation, among which special attention is given to the norms of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR). The author of the article shows that the historical roots of legal norms and the specifics of the political and economic system played a decisive role in the formation and development of the diametrically opposite institutions of tort law in the two Koreas. For example, the Civil Code of the Democratic People's Republic of Korea, in contrast to the Civil Code of the Republic of Korea, establishes the principle of presumption of fault, which is a consequence of the direct and inevitable impact of Soviet law on North Korean legislation. Considering that, in contrast to bourgeois pre-revolutionary Russia, where, as in most Western countries and the Republic of Korea, the principle of the presumption of innocence in tort obligations was recognized, a change in the approach to fault took place in Soviet Russia due to socialist ideological factors. It was these ideological principles that formed the basis of the legislation of the Democratic People's Republic of Korea. Meanwhile the Civil Code of the Republic of Korea from the very beginning was based on completely different principles, as was the case in most Western countries. In addition to general tort, this article studies the norms of special torts, among which the emphasis is on the norms on liability for harm caused by minors and for harm caused by activities that create increased danger to others. It is these norms that best reveal the differences in the legal policy pursued by the legislators in South and North Korea. As is the case with general tort, different ideological principles that form the basis of legislation in the two Koreas led to a difference in the law of special torts. Although at present, the gap between South and North Korean tort institutions is not critical, it will become a serious problem in the medium to long term, as it will negatively affect the potential for unification of the two Koreas.

Keywords: Tort liability, Republic of Korea, Democratic People's Republic of Korea, Soviet law, principle of the presumption of fault, principle of the presumption of innocence.

References

- Choi, Dalgon. 1987. Characteristics of the changes of North Korean civil law. *North Korea* 185: 28. Seoul, North Korea Research Institute. (In Korean)
- Choi, Dalgon. 1994. The system and characteristics of North Korean civil law. *The system and characteristics of North Korean law*. Seoul, Sejong Research Institute. (In Korean)
- Giesen, Ivo. 2010. The reversal of the burden of proof in the Principles of European tort law. A comparison with Dutch tort law and civil procedure rules. *Utrecht Law Review* 6 (1): 22. Utrecht, Igitur.
- Gubaeva, Aza K. 2012. Some Current Trends of Development of the Tort Liability Institute (Comparative and Legal Aspect). *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 22. (In Russian)
- Karner, Ernst. 2009. The Function of the Burden of Proof in Tort Law // Koziol H., Steininger B. C. (eds). *European Tort Law*, 2008. Vienna; New York, De Gruyter.
- Kim, Sangyong Y. 2001. Amendment works of the Korean civil code (Property Law). *Rechtspolitisches Forum* 3. Trier: Institut für Rechtspolitik an der Universität Trier. Available at: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ss0ar-261023> (accessed: 01.09.2021). (In Korean)
- Lee, Eunyoung Y. 2017. Parental Liability for the Torts of competent Minors — Focusing on the Classification of Torts for the Fair Apportionment of Liability. *HUFS Law Review* 41 (2): 237–239. Seoul, HUFS Law Research Institute. (In Korean)

- Lee, Jewoo. 2014. The nature of guardian liability and the delictual and financial capacities of minors. *Kyung Hee Law Journal* 49 (3): 20. Seoul, Institute of Legal Studies, Kyunghee University. (In Korean)
- Lee, Jewoo. 2013. *A comparative analysis on the principle of fault in continental tort law*: PhD Thesis in Law. St Petersburg, Saint Petersburg University Press. (In Russian)
- Lee, Jewoo. 2014. Two Defining Features of Russian Tort Law: Their Rationale and Legal Effect. *Review of Central and East European Law* 39: 130. Leiden, Brill Nijhoff.
- Lee, Jewoo. 2018. A Study on the Main Characteristics of North Korean Tort Law — an analysis of the influence of Russian law. *Studies on North Korean Law* 20: 132–133. Seoul, Korea Society of Unification & North Korean Law Studies. (In Korean)
- Ministry of Justice (Republic of Korea). 2012. *2004 Draft bill of the Civil Code of the Ministry of Justice. The law of obligations and annex*. Seoul, Minsokwon. (In Korean)
- Ministry of Justice (Republic of Korea). 2014. *Commentaries on North Korean civil law*. Seoul, Ministry of Justice. (In Korean)
- Moon, Joonyoung Y. 2016. The making of the Constitution and the Civil Code in Postliberation Korea. *The spirit of Korean law: Korean legal history in context*, ed. by M. Kim. Leiden; Boston, Brill.
- Peretersky, Ivan S. 1984. *The Digest of Justinian. Selected excerpts*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Shershenevich, Gabriel F. 2001. *A course on civil law*. Tula, Autograph Publ. (In Russian)
- Wilkinson III, James H. 2018. The presumption of civil innocence. *Virginia Law Review* 104 (4): 611–620. 2018. Charlottesville, University of Virginia School of Law.

Received: May 20, 2022
Accepted: August 5, 2022

Jewoo Lee — PhD, Assistant Professor, Kangnam University, 40, Gangnam-ro, Yongin, Giheung-gu, 16979, Republic of Korea; evercurly@gmail.com